

ЭТНОГРАФИЯ

«СВЕЧА» В СИБИРИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ БЫТОВАНИЯ ОБРЯДА У БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ¹

О.А. Лобачевская*, Р.Ю. Федоров*

Статья посвящена исследованию обряда почитания и переноса иконы «Свеча», сохранившегося на территории Викуловского района Тюменской области среди потомков переселенцев из Могилевской губернии. Проводимый в Сибири обряд сравнивается с таковым в местах выхода переселенцев.

Обряд «Свеча», народные православные традиции, традиционная белорусская культура, белорусы в Сибири, самоходы.

На территории Викуловского района Тюменской области в конце XIX — начале XX в. появились деревни, основанные белорусами — переселенцами из Могилевской губернии². Благодаря достаточно обособленной жизни отдельных сельских общин и в силу географической удаленности от культурных и административных центров, в этих населенных пунктах до сих пор сохранились некоторые обряды, привнесенные переселенцами с мест их выхода более столетия назад.

Одним из ярких примеров подобных традиций, не утративших аутентичности, является обряд «Свеча», сохранившийся в д. Осиновке. Ежегодно на Рождество уникальный для Сибири обряд разворачивается вокруг почитаемой общественной иконы, называемой «Свечой». Он заключается в отправлении ритуала переноса иконы из дома, где она находилась в течение целого года, к другому хозяину. В обрядовом действии участвуют все жители деревни, их родственники из других населенных пунктов, которые специально приезжают в этот день в Осиновку.

Материалы о бытовании обряда были собраны нами с использованием метода включенного наблюдения в январе 2011 г.³ и летом 2011 г. российско-белорусской экспедицией⁴ в п. Викулово, деревнях Ермаки и Осиновка Викуловского района. Материалы позволяют не только описать сам обряд как этнографическое явление, но и поставить вопросы, ответить на которые возможно лишь при использовании культурно-антропологического подхода: об аутентичных «белорусских» корнях и степени «сибирской» трансформации обряда, причинах сохранности и стойкости традиции почитания общедеревенской иконы. Нашими информантами были старейшие жители — представители первого поколения белорусских переселенцев, родившиеся в Сибири, и сельчане среднего возраста, которые, принадлежа уже к третьему поколению, по-прежнему идентифицируют себя с «самоходами» — так когда-то стали называть их предков из Могилевской губернии, прибывших своим ходом в эти сибирские места⁵. В своем исследовании мы опирались также на публикации, в которых впервые была описана сибирская Свеча [Крамор, 2002, 2003; Федоров, 2011].

¹ Работа поддержана грантом РГНФ №10-01-00551а/Б.

² По сей день в названных деревнях используются различные самоназвания: белорусы — переселенцы из западных областей Российской империи, пришедшие в Сибирь в XIX–XX веках, — «самоходы», а потомки местного русского населения первой волны заселения Сибири в XVI–XVII вв. — «чалдоны».

³ Р.Ю. Федоров (Тюмень).

⁴ Р.Ю. Федоров, О.А. Лобачевская (Минск).

⁵ В Осиновке селились выходцы из Дудичевской вол. Рогачевского у. В настоящее время это территория Чечерского района Гомельской области, д. Дудичи выселена после катастрофы на Чернобыльской АЭС и теперь не существует. В соседних Ермаках на отдельных улицах селились выходцы из разных мест: на «рогинской» — из с. Рогинь Меркуловицкой вол. Рогачевского у. (д. Рогинь Будо-Кошалевского района Гомельской обл.), «бушевской» — из д. Бушевка Кошалевской вол. Рогачевского у. (д. Бушевка Будо-Кошелевского района Гомельской обл.). Были также переселенцы из Меркуловицкой вол. Рогачевского у. (д. Меркуловичи Чечерского района Гомельской области), д. Усушки Пропойского у. (д. Усушки Чаусского района Могилевской области).

«Свеча» в Сибири: этнографический и культуроантропологический аспекты бытования обряда...

Свеча — это обряд, сочетающий народные и христианские традиции, главным культовым объектом которого является «коллективная свеча» или обрядовый комплекс «свеча + икона», широко бытовавший в разнообразных локальных вариантах в восточных районах Беларуси, а также на сопредельных землях Смоленщины, Черниговщины, Брянщины. В обряде соединились дохристианские представления и архаические ритуальные практики с народными культурами христианских святых и заступников [Дучыц и др., 2011, с. 437]. В конце XIX — начале XX в. обряд фиксировался и в других регионах России [Зеленин, 1991, с. 386; Громыко, 1991, с. 368–371], однако уже тогда исследователи отмечали, что сохранился он преимущественно у белорусов [Зеленин, 1991, с. 385–386; Шейн, 1902, с. 173]. Первые дошедшие до нас упоминания об обряде Свеча в Могилевской губернии относятся ко второй половине XIX в. [Дембовецкий, 1882, с. 494, 520, 630, 634; Жудро, 1893; Добровольский, 1900]. Этот обряд практикуется на территории Беларуси и в наши дни. Белорусскими исследователями в Могилевской и Гомельской областях был собран значительный массив материала о традициях и бытовании обряда [Лапацін, 2007; Лопатин, 2008; Лабачэўская, 2007]. Вместе с тем его генезис и типология, связь с медовыми и цеховыми свечными братствами, а также причины высокой степени его сохранности в народной традиции изучены не в полной мере. В этой связи сибирские материалы об одном из вариантов Свечи, который был когда-то принесен переселенцами в Осиновку и продолжает существовать, приобретая новые формы, представляют значительный интерес для осмысления этого явления народной культуры в целом.

Словом «Свеча» в Осиновке называют как саму икону, так и обряд ее переноса, который осуществляется ежегодно на Рождество. Святыня представляет собой переносной комплекс икон, заключенных в деревянный трехчастный киот, по форме представляющий собой большой складень. Его местное название — «абажур» [Крамор, 2003, с. 100]. Главной является небольшая по размеру икона «Воскресение Христово» с житийными клеймами. Она заключена под стекло и занимает центральное место. Икона написана temperными красками на деревянной основе. На боковых створках размещены иконки-литографии: слева два изображения Божьей Матери — Троеручицы, справа — Господь Вседержитель, св. Пантелеймон Целитель, а между ними подвешены маленькие бумажные иконы Сергия Радонежского. Литографические иконы напечатаны в Киеве в 1907 г., о чем свидетельствует надпись на них. Центральная икона утопает в искусственных цветах и украшена фольгой. Грубоватой столярной работы киот имеет сверху треугольный фронтон, а внизу — ящичек. Судя по толстому слою голубой краски, киот неоднократно подновлялся⁶. В голубой цвет выкрашена и бочечка, служащая подсвечником. В нее насыпано зерно, в которое, как и в крестообразную деревянную перекладину с круглыми отверстиями, закрепленную благодаря вырезам в верхней части бочонка, вставляют свечки. По оформлению в виде киота-складня с ящичком деревенская святыня Осиновки близка иконам-Свечам, выявленным нами в Могилевской области Беларуси [Лобачэўская, 2007, с. 424].

В Осиновке считают, что их икона «давнишня» [2] (здесь и далее цифры в квадратных скобках в соответствии с нумерацией списка информантов). По поводу ее происхождения от местных жителей получена противоречивая информация. Этот факт отмечен также участниками экспедиции Ишимского краеведческого музея, побывавшими в Осиновке и Ермаках в 2002 г. и первыми описавшими обряд [Крамор, 2003, с. 115]. По одной версии, икона была принесена с мест выхода переселенцев-«самоходов», по другой — куплена еще до революции в Усть-Ишиме или уездном городе Таре (Тарский район Омской области), куда для этой цели специально ездили осиновские старожилы. Называют имя Ивана Ковалькова, который привез икону и передал ее в Никольскую церковь в Ермаках, где она стояла, пока в 1937 г. не стали разрушать храм. Икону забрали и начали переносить из дома в дом в Осиновке [Там же, с. 100]⁷.

Икона «Воскресение Христово» может быть датирована концом второй половины XIX в.⁸ Стиль и уверенность лаконичной манеры письма, точность мазков белых оживок на ликах и руках и в то же время свободное обращение с иконописным канонам в композициях житийных клейм, обобщенность изображений и отсутствие деталей, укрупненный размер рук и ног персо-

⁶ Последнее подновление Свечи было, очевидно, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., о чем свидетельствуют надписи на упаковочной фольге, которая использована для украшения иконы: «Жевательная резинка. 15 коп. Бийск».

⁷ Еще по одной версии, икону начали переносить после Великой Отечественной войны.

⁸ Авторы приносят благодарность за консультации по вопросу датировки и происхождения иконы И.А. Мануйловой, науч. сотр. Тюменского музея изобразительных искусств, Е.В. Карпенко, зав. отделом древнебелорусского искусства Национального художественного музея Беларуси в Минске.

нажей по отношению к пропорциям их фигур — все это свидетельствует о происхождении из иконописного промысла, связанного с народной традицией и ориентированного на массового потребителя. Живописное решение иконы построено на сочетании охристых, синих, голубых и белых красок. Не имея возможности детально осмотреть образ, можем предположить, что это так называемая щепная икона, написанная на лубе дерева, что было характерно для массового производства икон на рынок в Сибири [Казаринова, 1999, с. 200]. Имеются некоторые аналоги среди опубликованных поздних сибирских икон [Сибирская икона, 1999, с. 73, ил. 34; с. 120, ил. 81]. Сотрудники Ишимского краеведческого музея относят ее к иконам сибирского письма и склоняются к варианту «тарского» происхождения [Крамор, 2002; 2003, с. 115]. Вместе с тем стилистика и уверенная, «скорописная» манера исполнения «Воскресения Христова» из Осиновки может также свидетельствовать об изготовлении иконы в одном из центров владими́ро-суздальского иконописного промысла, который в XIX — начале XX в. был одним из крупнейших в России и откуда предназначенные для простого народа иконы широко расходились по российским губерниям.

Рис. 1. Икона Свеча в доме Альковой Ларисы Дмитриевны, 1965 г.р., д. Осиновка Викуловского р-на Тюменской обл. 2011 г. Фото О. Лобачевской

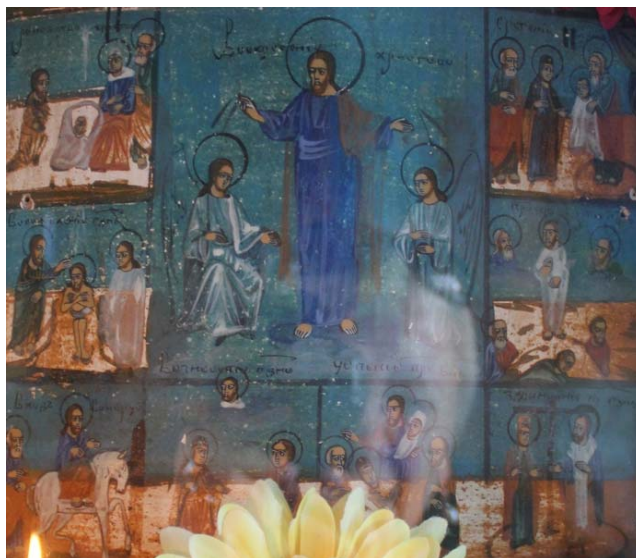
Таким образом, вопрос о белорусском или сибирском обретении Свечи остается открытым. Ответ на него можно было бы получить, наверное, 10–20 лет назад у осиновских старожилов — первых переселенцев, большинство которых, как свидетельствуют наши информанты, были долгожителями и уходили из жизни в возрасте более 90 и даже 100 лет. Название сакрального атрибута «Свеча», структура обряда, его глубокая укорененность в локальной культуре Осиновки говорит о том, что эта народная традиция была перенесена в Сибирь с мест выхода переселенцев и не претерпела при этом значительного изменения. В этом убеждает сравнение обряда с белорусскими материалами по Свече.

Белорусские «самоходы» переселялись несколькими семьями близких родственников и везли с собой домашние иконы⁹, хозяйственный инвентарь и орудия труда, а также пчел, семе-

⁹ Например, у одной из жительниц Осиновки сохранился принадлежавший ее матери образ Николы Чудотворца зимнего, по иконографии и манере письма — из икон второй половины XIX в., которые в Беларуси принято относить к гомельско-брянскому типу. Такие иконы широко бытовали на территории Могилевской и Гомельской области.

«Свеча» в Сибири: этнографический и культуроантропологический аспекты бытования обряда...

на зерновых культур, картофеля, льна. Вполне логично предположить, что могли они забрать в Сибирь и родовую святыню — Свечу-икону. Она духовно укрепляла общину в борьбе за выживание на новых землях, опекала своим заступничеством, спланивала коллектив. Вместе с тем Свеча могла быть «заведена» уже в Сибири. В этом случае следует понять, какие для этого имелись мотивы и причины.

Рис. 2. Икона «Воскресение Христово». Вторая половина XIX в., д. Осиновка Викуловского р-на Тюменской обл. 2011 г. Фото О. Лобачевской

Белорусский этнограф П. Шейн писал о таком народном обычае в Могилевской губернии: «Обычно свечи заводят по обещанию, как спасательное и охранительное средство от разных невзгод и напастей: от болезни, от скотских падежей и т.п.» [1902, с. 180]. Свеча являлась прежде всего коллективным оброком, обетом, принятым всей общиной, и ее основание связано с ситуациями, угрожавшими деревенскому социуму. Как вспоминают дети первых переселенцев-«самоходов», условия в Сибири поначалу для них были очень суровые: чтобы выжить в лютые морозы при отсутствии в первые годы капитального жилья, необходимо было корчевать лес, в чем принимали участие даже дети и подростки. Переселенцы нуждались в покровительстве святых заступников, освящении нового жизненного пространства, которое отвоевывалось у природы, и, при отсутствии церкви,— в объединяющем сакральном центре общинной жизни. Поэтому Свеча, по традиции родных мест переселенцев, могла быть основана уже в Осиновке по коллективному оброку, а оброчная икона приобретена всем миром — на общие пожертвования, в складчину.

Наши информанты вспоминали, что переносные иконы существовали и в других переселенческих деревнях, соседних с Осиновкой. В Ермаках переносили икону Святителя Николая 19 декабря — Никольскую Свечу. «...У хозяина стояла. Вот так постоит, потом передавали другому в ряд. А когда уже не стали справлять эти праздники, то мы, говорю, свою икону занесли в церковь. А осиновские так и не отдали. В Осиновках так и стоит это икона. ...Не отдали, так она и ходит у них там по домам» [3]. Возможно, икону передали в храм после постройки Никольской церкви. На праздник Николы зимнего эту икону в Ермаках носили по деревне, а потом вновь ставили ее в церкви. В д. Еловке была Михайловская Свеча — переносная икона св. Михаила [1].

В Беларуси чествование Свечей-икон, их торжественный перенос происходит, согласно когда-то данному обету, ежегодно в день памяти святого или православного праздника, которому святыня посвящена. Поэтому сам обряд носит название «мікольшчына» и «мікольская свяча» (св. Никола), «варварынская свяча» (св. Варвара Великомученица), «міхайловская свяча» (св. Михаил), «пакроўская свяча» (Покров Пресвятой Богородицы). В Осиновке на почитаемой иконе в среднике изображен сюжет «Воскресения Христова», а празднование Свечи приходится на Рождество, тогда как, согласно православной традиции, перенос иконы и ее чествование должно было бы происходить на Пасху. Никто из местных жителей не смог объяснить этого несов-

падения. Г. Крамор, побывавший в Осиновке в составе экспедиции Ишимского краеведческого музея, объясняет данный факт тем, что деревня отмечает свой престольный праздник именно на Рождество Христово и что наличие престольного праздника в деревне, не имевшей храма, явление традиционное для Сибири [2003, с. 115]. Такая ситуация характерна и для Беларуси, где в деревнях проходили «кірмашы» или «фэсты», приуроченные к тому или иному христианскому празднику. В этот день со всей округи в деревню съезжались родственники. Эта традиция сохраняется и в наше время. С большой долей вероятности можно предположить, что переселенцы-«самоходы» трех соседних деревень (Осиновка, Ермаки, Еловка) установили на новых землях традицию общественного праздника — «кірмаша»¹⁰ согласно принятому на их родине календарю (в соседних Ермаках — Николая Чудотворца (зимнего), Еловке — Покрова).

Несовпадение даты празднования Рождества Христова в Осиновке и сюжета почитаемой иконы может свидетельствовать в пользу предположения об ее сибирском «обретении». В данном случае значим не столько сам конкретный сюжет иконы, его соотнесение с церковно-православным календарем, сколько сакральность самого иконного изображения Иисуса Христа. Иконы «Воскресение Христово» с праздниками пользовались в России необыкновенной популярностью [Тарасов, 1995, с. 75]. На клеймах иконы изображено 12 наиболее значительных православных праздников, в том числе Рождество Христово («икона в иконе»). Обращает на себя внимание, что празднование Свечи соотносится с началом сельскохозяйственного года. В Осиновке и соседней деревне Ермаки этот период и сегодня принято отмечать, как и в Беларуси, колядованием — хождением ряженных — «шуликан», «шуликин» по домам с песнями и добропожеланиями хозяевам.

Со Свечой-иконой, предание о появлении которой уже приобрело характер легенды, связаны также истории, охотно и в подробностях пересказываемые жителями Осиновки и Ермаков. Они датируются советским временем, периодом борьбы с религией, которая не миновала сибирские деревни, заселенные выходцами из Белоруссии. В разгар антирелигиозной борьбы, очевидно после того как в д. Ермаки была разрушена Никольская церковь и в мае 1937 г. арестован ее священник И.К. Модестов, жительница Осиновки Мария Прокопцова спрятала Свечу в своем амбаре. Там икона находилась и в годы войны. Свечу вносили в дом, чтобы помолиться вместе за ушедших на фронт соседей и родных, и на две недели на Рождество. До сих пор помнят в Осиновке детскую приговорку: «Приходите на Свечу к Марине-богачу» [1]. Однажды к ней пришли коммунисты, хотели разбить икону, но она послала по деревне детей, собрались все женщины и отстояли святыню.

Другая история повествует о супругах Петре Ивановиче и Серафиме Михайловне Шарайкиных, которые в 1970 г. оказались перед выбором — брать Свечу, когда очередь дошла до их дома, или нет. Хозяин дома состоял в партии и работал бригадиром. Когда в сельсовете узнали, что пришла очередь Шарайкина принимать Свечу, его вызвали в милицию и предписали принести икону в сельсовет. После семейного совета Петр Иванович объявил: пусть лучше меня выгонят из партии, снимут с должности, отправят в тюрьму, чем потом будут всю жизнь указывать — вот, это тот самый, который икону не принял. Ермаковское начальство позвонило в Викулово, секретарю райкома партии В.М. Хлынову. Тот рассудил по-своему: «Икону не отнимать, не рубить, не вами этот обычай заведен, не вам его и отменять, пусть носят» [Крамор, 2003, с. 101].

Еще одну историю рассказала Анфиса Даниловна Денисенко, 1938 г.р. В ней драматизм момента — примут ли Свечу в дом — разрешился на радость всем непростым выбором между традицией и партийными предписаниями в пользу первой. «Я вам сейчас расскажу, это первый раз-то было. К нам идет сюда, а я беру ее уже. А Иван, мой мужик, партийный был. Приехали, кажется, вызвали его на правление — “Никаких, не бери свечу, не бери, и все!” И он говорит: “Мне что, с женой расходиться, так и не дети”. А людей уже понаходило, на счету много. А люди-то и ждут, что скажут, боятся. Сидят, тихонько, тогда же за стол сядят, как Свечу принесут. И он пришел и говорит: “Дай мне вино”. Как взял вино в руку, бабы-то повеселели, что не выгнали их. Ну, в другой раз принесли, такого не было уже. Это первый раз» [2].

---

¹⁰ Нашим информантам в Осиновке и Ермаках слово «кірмаш», которое используется для обозначения общедеревенских праздников, приуроченных к церковному календарю, не было известно.

«Свеча» в Сибири: этнографический и культуроантропологический аспекты бытования обряда...

По существующей в деревне традиции Свечу переносят из дома в дом на Рождество, как говорят в Осиновке, «икона ходит по домам»¹¹. В одном доме икона находится в течение года, до следующего Рождества. Топография движения Свечи в Осиновке соответствует традиции переноса Свечей, которая сохранилась в восточных районах Белоруссии и зафиксирована исследователями обряда [Лапацін, 2007]. Свечу из дома в дом переносят по заведенному порядку: сначала по одной стороне улицы, затем по противоположной. В Беларуси нельзя было переносить Свечу на другую сторону, пока она не дошла до крайнего дома. Таким образом, ее движение по деревне представляло собой замкнутый круг. Свеча возвращалась к одному и тому же хозяину только через много лет. Наши информанты, в основном пожилые люди, рассказывали, что за свою жизнь они принимали у себя Свечу один или два раза: «Сколько домов — столько годов. Домов много. Деревня была длинная наша» [2]. Так было раньше, когда в Осиновке было много жителей и домов, когда «семьями жили» [4]. Существовало правило переносить икону только в те дома, где живут праведно. В советское время икону брали в дом люди 1930-х гг. рождения, которые не были крещены в церкви. «И говорят некрещеным нельзя. А я взяла, а я брала. Я брала и плакала, не хотела, чтоб ее забирали. Я брала. Не, которые вот не хочут брать. Господи, от Бога отречься — никогда! Веру, веру я в Бога» [4].

Когда-то в Осиновке было полторы сотни домов, сейчас — около 75 жителей, 24 жилых и 9 пустующих домов. Демографические процессы старения деревни, отток молодежи в город в связи с сельской безработицей меняют традиционный хронотоп обряда. Свечу не могут взять в дом старые и одинокие люди и те, кто не имеет работы и постоянного дохода. Это связано с тем, что принимать Свечу в доме сопряжено со значительными материальными и денежными затратами. В 2011 г. Свечу приняли в свой дом жители среднего поколения Осиновки — супруги Александр Владимирович и Лариса Дмитриевна Альковы, 1965 г.р., имеющие трех детей и уже внуков.

Обряд переноса Свечи и ритуал ее чествования длится два дня. Он начинается вечером 6 января и продолжается на другой день — 7 января, когда утром икону переносят в другой дом. Накануне Рождества, в Сочельник, в доме, где Свеча стояла в течение года, собираются гости. «Ну, готовиться нужно с вечера с 6-го. Женщина значит или хозяйка, где собираются все без приглашения, приходят, она угощает всех. Там уже на Сочельнике поют бабушки, они там тропарь поют и еще что-то такое. Попели, значит, они, она их приглашает за стол и всех угощает. Еда, такая, как бы сказать, постная. Только постная еда, потому, что здесь идет пост» [1].

Когда-то по всей деревне бегали дети, зазывая: «Приходите (или «айдайте») на Свечу к Ивану-богачу» (имя менялось в зависимости от того, к кому будут переносить икону) [Крамор, 2003, с. 97]. Такой же обычай существовал в Могилевской области, когда в деревнях еще было много детей. Гости ставят свечи перед иконой и с молитвой оставляют возле нее деньги и «оброки» — дары, прося у Свечи здоровья, благополучия. «Ставя свечки, и идут к иконе с чем-то, например, с какими-то подарками или с деньгами. Вот приходит человек, берет свечку, значит, запаливает, ставит ее и ложит деньги. Целуют икону. Просят у нее здоровья мысленно или там что-то. Вот и в Сочельник просят и на следующий день то же просят. Вот и подарки, обычно вечером несут отрезки. Отрезки там полотенецные или материал, какой-то. ...Ну, говорят, что просто так к ней не ходят, что-то несут...» [1].

Из подарков часто приносят полотенца, отрезки различных тканей. Ими накрывают киот с иконами, вешают их на створки. Раньше в оброк приносили тканые и вышитые полотенца — «набожники», которые вешают на иконы, тонкие полотна «наметки», использовавшиеся также в свадебном обряде. Теперь в качестве оброка нередко приносят покупные махровые полотенца. Некоторые люди в случае болезни измеряют себя в полный рост и жертвуют на Свечу отрез материала такого размера [1]. Хозяева дома накрывают стол и угощают постными блюдами. Во время застолья поются тропари и другие рождественские песнопения. На следующий день рано утром хозяин, в дом которого будет перенесена икона, устилает соломой путь от своего дома к дому, откуда начнется обряд ее переноса. В деревне считают, что тем самым он свидетельствует, что принимает икону. По белорусским материалам, солома — обязательный атрибут переноса Свечи, связанный с его первоначальным аграрно-производящим характером. Жители деревни и приехавшие гости вновь собираются в доме, в котором икона простояла прошлый год, — «весь мир приходит, придут к иконе Богу помолиться» [1]. «Утром гости все приезжают,

¹¹ Выражение «ходила», которое характеризует переносной характер святыни, фиксируется во многих белорусских материалах. Например, в д. Горки Горецкого района Могилевской области записано выражение «Варвара хадзіла па Гарах», которое относится к местной переносной иконе св. Варвары Великомученицы.

со всех областей, со всех деревень, соседних и в общем отовсюду. Кто хочет просить здоровья, кто хочет попросить какое-то желание, чтобы оно сбылось, также приезжаю утром, и также ставят свечку... Кладут деньги, деньги, деньги, кто сколько может, столько и кладет» [1].

Как правило, дом, в котором хранится Свеча, не в состоянии вместить всех желающих, и на поклонение ей выстраивается очередь. После этого начинается перенос иконы. Хозяйка дома провожает Свечу со слезами. «Когда станут выносить, хозяйка прощается с иконой. То есть, вот представьте, она год стоит эта икона, она к ней привыкает, она плачет по ней и целует ее. В общем, ей жалко, что уносят ее из дома» [1].

Рис. 3. Перенос Свечи в д. Осиновке на 7 января 2011 г. Фото Р. Федорова

Икону по обычаю переносят мужчины. Это связано не только с тем, что деревянный киот иконы-Свечи тяжелый. Особенность переноса иконы именно мужчинами отмечена в большинстве записей обряда в Беларуси [Лопатин, 2008, с. 411]. Впереди процессии идет хозяйка, она несет буханку хлеба, завернутую в рушник. «Дальше идет какая-нибудь бабушка. Тоже такая достойная, почтенная. Она несет вот этот бочонок, где стоят все свечки, которые сливаются в единую свечу» [1]. Жители деревни и приехавшие гости встают на колени на устланном соломенной пути, выстроившись в ряд. Икона проносится над их головами. Обычай присесть под переносимой иконой считается у местных жителей своеобразным благословением на будущий год. Нередко под Свечу садятся приехавшие из других мест больные, так как в деревне передаются рассказы о ее чудотворных свойствах. Этот элемент обряда переноса Свечи является также

«Свеча» в Сибири: этнографический и культуроантропологический аспекты бытования обряда...

традиционным в Беларуси: икону проносили над головой хозяйки при выносе из дома, останавливались около каждого дома, держа икону так, чтобы под ней могли пролезть больные, особенно страдающие болями в спине.

В доме, где принимают икону, открывают настежь двери. Хозяин дома принимает икону у ворот и целует ее. Икону заносят в дом и ставят на почетное место — в красный угол. По обычаю двери дома, принявшего икону, всегда должны быть открыты для гостей, пришедших ей поклониться. Гости оставляют деньги, оброки и ставят свечи, которые лежат около иконы. Когда-то ткани и деньги передавались как пожертвование в Никольский храм в Ермаках. Теперь деньги остаются у хозяина с условием покупки и возжигания свечей и угощения гостей [Крамор, 2003, с. 98]. Хозяйка дома, куда была перенесена Свеча, накрывают для гостей стол с рождественскими угощениями. Обычно это каша, холодец из свиных ножек, борщ, картошка с котлетами. К этому дню обязательно варят в русских печках пиво по старым рецептам с хмелем, который специально в Осиновке выращивают. Раньше тут говорили: «Приходите к нам на Свечу и на чашку пива» [4].

Дом, в котором в течение года находится икона, превращается в своеобразный временный сакральный центр поселения. Его двери всегда открыты для желающих помолиться и поклониться иконе. Местные жители испытывают особое почтение к этому дому и проживающей в нем семье, которое часто сопровождается жертвованиями денег и продуктов питания. Считается, что дом, который принял Свечу, будет счастливым и благополучным.

Особого внимания заслуживает вопрос о наименовании иконы и названии обряда, а также о его семантике. Анализировать обряд Свечи в Осиновке можно лишь с привлечением белорусских материалов. При широкой типологии белорусских обрядов Свечи выделяются те варианты, когда в обрядовый комплекс входит большая восковая свеча — главная святыня, которая изготавливается в складчину, часто всеми участниками — «братчиками по Свече». Братские Свечи, описанные этнографами в конце XIX — начале XX в., достигали веса в пуд и более [Громыко, 1991, с. 369; Добровольский, 1900]. В Чечерском, Ветковском, Кормянском районах Гомельской области сотрудники Ветковского музея народного творчества выявили несколько вариантов форм коллективных восковых свечей, макеты которых представлены теперь в экспозиции музея. Обязательным их атрибутом являются «сукенки» — специально пошитые юбочки, фартучки и ленты, которые придают свечам антропоморфный вид. Перенесенную в новый дом Свечу было принято переодевать в новые одежды. К антропоморфным свечам относились как к одухотворенным существам. Все это дает исследователям основание делать выводы о дохристианских истоках обряда Свеча, его генетической связи с языческим культом родового предка и огня, рудименты которых сохранились в обрядовой практике белорусов до наших дней [Дуцыц, 2011, с. 438]. Вместе с тем в Беларуси зафиксированы варианты обряда Свеча, где традиция изготовления коллективной восковой свечи утрачена и главной ритуальной святыней, как и в Осиновке, является переносная икона [Лабачэўская, 2007].

В Осиновской Свече обращает на себя внимание то, что каждый участвующий сегодня в ритуале, молясь перед иконой, обязательно зажигает свечку. Наши информанты подчеркивают: «Свечу ставят обязательно! Свечки зажигают обязательно!» [1]. Связки тонких церковных свечек лежат перед иконой. Их ставят в подсвечник и мерку с зерном. Свечек бывает так много, что при горении, плавясь, они сливаются в одну. «Эта “Свеча” почему называется? Потому, что там вот такой бочонок стоит и вот в этом бочонке вмочено много свечей, и когда эти свечи все загораются,— ну, ставят их все, ставят, ставят,— одной свечой, они даже могут все вспыхнуть. Делается все одной свечой. Ее называли “Свеча”. Просто простонародно ее зовут “Свеча”» [1].

На фотографиях, которые были сделаны исследователями в Осиновке в 2002 и 2009 гг., можно видеть подсвечник, украшенный разноцветными юбочками, что придает ему антропоморфный вид. Очевидно, что белорусские «самоходы» принесли в Сибирь традицию «одевать» восковую свечку. Они привезли с собой пчел в дубовых колодах, которые, как и на родине, устанавливали на деревьях [Крамор, 2003, с. 115]. Следовательно, имелся не только мед, но и воск. Вероятно, первоначально свеча при почитаемой иконе изготавливалась в складчину и могла достигать большого размера, чтобы ее огонь горел до следующего переноса Свечи. Зерно, в котором стояла свеча, считалось освященным, и крестьяне смешивали его с зерном нового посева. Но сведений о подобной практике в Осиновке нами не зафиксировано, в 2011 г. мы не обнаружили на подсвечнике и текстильного убранства.

Рис. 4. Подсвечник при Свече, убранный в «одежды». 2009 г. Фото Р. Федорова

В сравнении с обрядом Свеча, описанным исследователями и бытующим и в наши дни в восточных районах Беларуси¹², ритуал в Осиновке не включает в себя некоторые традиционные структурные элементы и атрибуты. Например, не отмечено использование «кажуха» — вывернутой мехом наверх овчинной шубы: по нему проходили под иконой и ставили на него Свечу в красном углу. В структуре ритуала отсутствует чествование перенесенной Свечи на третий день, которое в Беларуси носит различные названия: «адведкі», дагуліваць», старь разгуліваць». Тем не менее сравнительный анализ с привлечением белорусских материалов с мест выхода переселенцев позволяет говорить о значительной степени аутентичности и сохранности обряда Свечи в Сибири.

Осиновская Свеча сохранила характер коллективного ритуала, за которым в этнографических описаниях закрепились названия «братчины», «братская свеча», «мирская свеча», «ссыпчыны», что свидетельствует об его родовых, общинных, братских началах, объединявших группы людей вокруг общей святыни. К ней также обращались за помощью, когда не было дождя, обнося ею вместе с вытканной за одну ночь ритуальной тканью — «будзёнником» всю деревню по кругу — «будзённик нясуць и Свечу нясуць» [2, 4].

Ежегодный ритуал переноса Свечи объединяет всех жителей Осиновки, являясь действенным средством поддержания их «самоходской» индентификации, которая в советское и особенно постсоветское время приобрела выраженную «белорусскость»¹³. В наши дни обряд

¹² Например, в 2010 г. на Св. Николу Чудотворца зимнего, 19 декабря, переносили Свечу (комплекс икона + свеча) в д. Черепы Шкловского района Могилевской области. Раньше в этой деревне «ходило» три Никольских Свечи. Теперь переносят только одну.

¹³ В рассказах наши информантов о первых переселенцах употребляется выражение «пришли из России», так как Могилевская губерния, откуда «самоходы» в конце XIX — начале XX в. прибыли в Сибирь, входила в состав Российской империи. При отсутствии в тот период этнической (белорусской) индентификации у крестьян белорусских земель в ситуации необходимости определения себя как группы, отличной от автохтонов, на новом месте жительства и сформировалась их «самоходская» индентификация. В послевоенные годы некоторые жители Осиновки, Ермаков ездили в БССР с целью поиска родственников. В 1957 г. крестьяне, родившиеся до революции, получили паспорта, в которых в графе «национальность» было написано «русский» и механически была изменена административная принадлежность места их рождения. Например, запись «с. Рогинь Рогачевского у. Могилевской губ.» заменили на «Рогачевский район Могилевской обл.»

«Свеча» в Сибири: этнографический и культуроантропологический аспекты бытования обряда...

трансформируется, что вызвано расширением его популярности. Он утрачивает былой родовой характер, когда «весь мир» ограничивался жителями Осиновки и их родственниками, которые по традиции приезжали в этот день в родную деревню для участия в рождественском чествовании Свечи. Теперь на Свечу стекается огромное количество людей: приезжают представители администрации из районного центра Викулово, гости из других мест области. Те, кто наслышан о целительных свойствах иконы, приезжает на Свечу с надеждой на чудотворное излечение, избавление от недугов. В день переноса Свечи центральная улица Осиновки сплошь заставлена легковыми машинами. В 2005 г. ГТРК «Регион Тюмень» в новостной программе показала сюжет о переносе иконы на Рождество в Осиновке [Жители Осиновки..., 2005]. Этот старинный рождественский обряд включают в план мероприятий районных учреждений культуры. Фольклорный коллектив «Россияночка» ермаковского Дома культуры подготовил и показывает сценический вариант обряда Свеча. Для этого был сделан макет иконы-Свечи.

В последнее время в Осиновке из-за ожидания приезда гостей перенос иконы производится позднее обычного, примерно в одиннадцать часов утра. Приглашается священнослужитель из соседнего райцентра Сорокино. Он проводит перед почитаемой иконой службу, читает проповедь и затем сопровождает икону в новый дом. По воспоминаниям старожилов, обряд переноса Свечи проходил без священника. Примечательно, что священника приглашали из Ермаков, только когда наступала очередь переносить икону на другую сторону улицы через дорогу [Крамор, 2003, с. 115]. Песнопения, сопровождающие Свечу при переносе, теперь исполняют не осиновские старушки, которым уже тяжело участвовать в ритуале, а участницы фольклорного коллектива ермаковского Дома культуры. Тексты духовных песен они переняли от женщин старшего поколения. Солому, которой устилают дорогу для переноса иконы, разбирают и сохраняют, считая, что она обладает целебными свойствами. Некоторые люди считают целебными и свечные огарки, оставшиеся около иконы. Это также относительно новый обычай. Общественный интерес к осиновской Свече продиктован осознанием ее культурной ценности и уникальности для Сибири. Ее популярность содействует укреплению в обществе православной религиозности, поддержка народно-православных обычаев официальной церковью.

Сибирскую Свечу можно оценить как реликтовый культурно-духовный феномен, который в силу значительной сохранности ритуала, его живого функционирования в наше время дает исследователям богатый материал для научной реконструкции древнего обычая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Громько М.М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 448 с.
- Дембовецкий А.С.* Опыт описания Могилевской губернии: В 3 кн. Могилев на Днепре, 1882. Кн. 1. 782 с.
- Добровольский В.Н.* Значение народного праздника «Свечи» // ЭО. 1900. № 4. С. 35–51.
- Дучыц Л., Клімковіч І., А. Лабачэўская, Г. Лапацін Г.* Свяча // Міфалогія беларусаў: Энцыклапедычны слоўнік / Склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; Навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. Мн.: Беларусь, 2011. 605 с.
- Жудро Ф.А.* Свеча — белорусский церковно-бытовой праздник // Могилевские епархиальные ведомости. 1893. № 13. С. 232–236.
- Жители Осиновки* носят по домам станинную икону // ГТРК «Регион Тюмень». Новости. 01.11.2005. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://tyumen.rfn.ru/rnews.html?id=18007>.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
- Казаринова Н.В.* Народные сибирские иконы // Сибирская икона. Омск: Иртыш-92, 1999. 272 с.
- Крамор Г.* В краю медовых лип. 2002 // [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.suvenirograd.ru/impresions.php?id=25&lang=1&pid=200>.
- Крамор Г.А.* В краю медовых лип: Экспедиция в Викуловский район // Коркина слобода. 2003. Вып. 5. С. 102–123.
- Лабачэўская В.* Абрад «Гуляць ікону» як праява народнага хрысціянства на беларуска-расійскім памедды // Pogranična Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej. Памежжы Беларусі ў междисциплинарной перспективе / Red. Nauk. E. Smulkowa, A. Engelking. Warszawa: DiG, 2007. С. 403–430.
- Лапацін Г.І.* Абрад свячы ва ўсходнім Палессі // Матэрыялы навуц.-практ. конф. «Аўтэнтычны фальклор: праблемы бытавання, вывучэння, перайманьня». Мн., 2007. С. 84–89.

левской области», в то время как этот населенный пункт относится к Будо-Кашелевскому району Гомельской области. В значительной степени осознанию своей родовой принадлежности к Беларуси, формированию белорусской этнической идентификации, особенно у представителей среднего и молодого поколения, содействовало расширение коммуникативных каналов и средств массовой информации. В районе центра Викулово в 2000 г. создан филиал Тюменской областной общественной организации «Национально-культурное общество «Беларусь».

О.А. Лобачевская, Р.Ю. Федоров

Лопатин Г.И. «Икона звалась свячой...»: Из опыта изучения обряда «Свячы» в Восточном Полесье // Антропол. форум. СПб., 2008. № 8. С. 402–416.

Сибирская икона. Омск: Иртыш-92, 1999. 272 с.

Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс-культура: Традиция, 1995. 496 с.

Федоров Р.Ю. Обряд «Свеча» у белорусских переселенцев в Западной Сибири // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Навук. рэд. А.І. Лакотка. Мн.: Права і эканоміка, 2011. Вып. 10. С. 465–469.

Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка населения Северо-Западного края. Т. III // Сб. отделения русского языка и словесности. СПб., 1902. Т. 72. С. 180–183.

Список информантов

1. Вычужанина Надежда Ивановна, 1966 г.р., д. Ермаки, Викуловский р-н, Тюменская обл.
2. Денисенко Анфиса Даниловна, 1928 г.р., д. Осиновка, Викуловский р-н, Тюменская обл.
3. Суздалева Федора Даниловна, 1923 г.р., д. Ермаки, Викуловский р-н, Тюменская обл.
4. Шевелева Мария Ивановна, 1937 г.р., д. Осиновка, Викуловский р-н, Тюменская обл.

* Минск, Белорусский государственный университет культуры и искусств
lobachevskaja@tut.by

** Тюмень, ИКЗ СО РАН
r_fedorov@mail.ru

The article is devoted to investigation of a worshipping rite and transferring the «Candle» icon, which preserved on the territory of Vikulovo region of Tyumen Oblast' with descendants of migrants from Mogilev province. The paper undertakes a comparison of the rite exercised in Siberia with its distinctions in the places of the migrants' outcome.

«Candle» ritual, folk Orthodox traditions, traditional Byelorussian culture, Byelorussians in Siberia, Samohody.